

• Памятники Тверской провинции

В память о земляках

В центре села Осечно Вышневолоцкого района в 1986 году установлен монумент «Вечный огонь» – памятник воинам-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Авторы: скульптор Н.А. Силис, архитектор А.И. Печонкин. Памятник сделан и установлен Силисом бесплатно. Материалы (смайлту и цемент) оплатил тогда еще существовавший совхоз.

Будущий скульптор с мировым именем учился в Осечновской школе, а потом часто приезжал в эти удивительные по красоте места. Здесь он обустроил мастерскую, преподавал местным ребятишкам уроки живописи, принимал активное участие в восстановлении Троицкого собора, изготовил ранее памятник на могиле своего друга – поэта Владимира Соловьева.

« КТО ПРОЩАЕТ, ТОМУ И ПРОСТИТСЯ... »

Марина Борисова

г. Удомля

Марина Павловна Борисова родилась в 1960 году в д. Знамово Рыбинского района, Ярославской области. Окончила Ярославский педагогический институт. С 1984 года живёт и работает в г. Удомля, «Почётный работник общего образования РФ», «Почётный работник науки и образования Тверской области».

Автор книг для детей «Первый полёт», «Снегурочка», «Урок для зайчишки». Её стихи печатались в сборниках удомельских поэтов литературного объединения «Чайка», в приложении к журналу «Русский писатель», «Азбуке тверского школьника» – познавательная книга для младших школьников по краеведению Тверского края.

Руководит литературным объединением «Чайка».

ОСЕНЬ

Погуляю с дождиком по городу,
Поиграю в листья с ветерком,
Через лужи буду прыгать молодого,
Мне осенний возраст незнаком.

Я – весна, и эти листья яркие –
Это солнца пламенный привет.
Седина – его отметки жаркие,
Незабвенный яблоневого цвет.

Я не буду смиренной старушкой,
Снова осень встречу на бегу.

Возраст мой за ушком
завитушкой.
По-другому просто не могу.

НА РАССВЕТЕ

Над лугами плывут облака
вереницей,
И в родной стороне хорошо, как
в раю.
И не спится душе, неземной
чаровницей
О земной красоте на рассвете пою.

Птица – травник летит вдоль реки
спозаранку,
На другом берегу мелодично
звенит.
Очарованный лес подпевает
заряночкой,
И за солнцем душа поспешает в
зенит.

Мне от радости петь и не прятать
слезинки,
Мне по пояс сегодня купаться в
лугах
И слова подбирать как на травах
росинки,
Чтобы сердце любило и пело в
стихах.

РОДНАЯ СТОРОНА

Здесь небо ниже, и Всевышний
ближе,
И обнажённая летит душа,
Ликуя, к небесам: красоты вижу.
Ах, как сторонка наша хороша:
На берегу береза молодая,
И тучи, заплутавшие в траве,
Былинку каждую перебирают...
И сотни песен зреют в голове.
А где сосна своей горячей кроной
(окончание на стр.2).

(начало на стр. 1).

Пыталась лучик солнца удержать,
Мой дом родной и сад вокруг
зелёный.
И на душе такая благодать.

* * *

Есть на свете местечко,
Что всегда меня ждёт,
Родниковым сердечком
В край родимый зовёт.
Здесь и лютой зимою
Бьют исправно ключи,
И водой ледяною
Хоть болезни лечи,
Хоть учись оставаться
Светлой, как родничок,
И беде не сдаваться,
Как уж мир ни жесток.
Здесь сердечко забудет
Все печали за миг.
И ничто не замутит
Этот светлый родник.

В ДЕРЕВНЕ

А у нас созрели георгины,
Маковки алеют на ветру,
Облепила яркой гривой львиной
Росами сверкает поутру.
Астры любопытные глядятся
В лужицу у старого крыльца.
Яблонями можно любоваться,
Водопады яблоч без конца.
Только тихо в маленькой деревне,
Лишь тоска осенняя скрипит
Ветками поломанных деревьев,
Да какой-то петушок не спит.
Жмутся потемневшие избушки
К узенькой тропинке среди травы,
В грядке сиротливая старушка
Даже не поднимет головы.
Не грусти, не рвись, моё сердечко,
По знакомой тропке поспешу,
У родного милого крылечка
Погуляю павой, похожу.
Пока живы мы – деревня дышит.
Пусть она туманным вечерком
Песню мою нежную услышит,
Насладится нашим говорком.

МОЙ АПРЕЛЬ

Зеленеют ивы у дороги,
В тёплой дымке старые стога,

Мой апрель-журавлик
длинноногий
Солнышко встречает на лугах.
И уже длинней денёчки стали,
И весна на лёгкое крыло
Подхватила зимние печали,
Что холодным ветром намело.
Унесла их за леса и доли.
И от жарких солнечных лучей
Вышел ландыш в шапочках
весёлых
Поглядеться в голубой ручей.
Молодой травой пахнет сладко,
И так вольно дышится весной.
Серых будней и тревог остатки
Разогнал апрель-журавлик мой.

* * *

Лазоревка на солнышке поёт
Весёлой звонницей,
У облаков весенний перелёт
Крылатой конницей.
Ещё не видно яблоневого цвет,
На ветках венчики,
А на душе и в сердце тёплый след,
Весны бубенчики.
Уже ль шестидесятая весна?
Иль только кажется?
Она такую нежностью полна.
Как не отважится
Любить и верить, и стихом
спешить
К весне спасительной,
И жизни радуясь, как прежде, быть
Обворожительной.

К ВЕСНЕ

Свет луны лимонной долькой,
Небо – сочный фиолет.
И погашен только-только
Фонарей неярких свет.
Скоро-скоро будет утро
В незабудковой росе.
Мы поступим очень мудро
И забудем беды все.
Повернёмся к солнцу мая
В ярко-синей вышине,
Улыбнёмся, пролагая
Тропку смелую к весне.

ИДУЩАЯ ИЗ МУЗЫКИ И СВЕТА
Идущая из музыки и света,
Ты – словно дуновение ветерка
Строки ещё не спетого куплета.

О чём? Загадка. Не узнать пока.
То поступь гордая, а то, подобно
всплеску,
Волна из рук, колдуешь налегке.
То дробью каблучков ударишь
веско
И шляпкой взгляд уносишь на
руке.
Беснуется игристое фламенко
У ярко-красных туфелек твоих.
Пульсирует струной горячей венка
Под локоном, а мир у ног затих.
Божественная искорка мгновенья.
Счастливой вряд ли можно
отыскать.
Танцуй, лови святое вдохновенье,
Как дорого оно – тебе ль не знать.

* * *

Кто прощает, тому и простится,
О себе забывают в любви.
Пусть надежда живёт и искрится
В той, что ценит старанья твои.
Отдавая другим, обретаешь,
И минуточкой нежности жив
Над скупой суетой взлетаешь
С облегчённой душой, простив.
Не проснётся душа, не услышит
В монологе упрёков, обид
То, чем сердце единственной
дышит,
От чего же оно так болит.
Только любящий, мудрый и
чуткий,
Понимания лучший залог,
Драгоценный до каждой минутки,
Да поможет любви – диалог!

СТАРАЯ УДОМЛЯ

Под снегами Удомля старая
Рядом с городом молодым.
Прикорнула в тиши усталая,
Вверх из труб выпуская дым.
Синей вышивкой тропка зимняя,
Как царевна, плывёт луна,
И седые деревья в инее.
Сказка древняя, старина.
То умолкнет, то снова слышится
Скрип шагов, и опять покой.
И поётся мне здесь, и пишется,
Словно я в стороне родной.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 61 (май).

Письмо пятьдесят седьмое

КОГДА-ТО, в начале времени, я думаю, мы были едины с этим миром, где мы теперь всего лишь гости (речь о гармонии с природой), но все потеряли по вине наших прародителей. И вот теперь получается, что мир-то живет по своим вечным законам, а нам приходится вновь искать пути к нему.

Помнишь, в басне Крылова «Ларчик» мудрец-механик и так, и сяк его крутит, и там, и здесь нажмет, а ларчик-то был вообще без замка, он «просто открывался». Вот и гастрит да язва учеными профессорами и академиками и так, и сяк лечатся, а «нобелевские» бактерии спокойно по-прежнему грызут нас да посмеиваются...

Я это к чему? Природа рядом с нами тысячи лет, следуя воле Вседержителя, складывалась в абсолютную схему, где все взаимосвязано. Уничтожишь мух, птицам еды не будет. А чем питаться дятлам, если не будет короеда? А мы все «опыляем», грабим и губим. Приватизируем, так сказать, как и в стране – нахрапом. У нас эта беда во всем. Мы не можем научиться главному – останавливаться и задумываться.

Письма сельского почтальона

А как остановиться, когда кругом: «Давай! Давай! Давай! Вперед! Прогресс! Цивилизация!» и прочая белиберда. Лукавый свое дело знает. Вот законом запрещено загружать детей в школе более 5,3 часа, это грозит их здоровью, а что делает школа и сами родители? По шесть-семь уроков плюс дополнительные нагрузки, а что, мол, делать, раз время такое? Время-то, оно всегда одно и здоровье, кстати, тоже...

Но когда сосед втиснул в пятиведерный мешок 60 кг картошки, я тоже не хочу отставать, И подбросу, и сверху сяду, но вобью все 70. А того, что внизу уже каша и сок течет, стараемся не замечать, и того, что мешок уже треснул, тоже. Это все равно, что загнать КАМаз на хрупкий мост, предел которого равен двум мотоциклам, да еще и продолжать грузить его от жадности и дури. Мост трещит, а мы грузим все самое дорогое. Все же грузят, а я чем хуже... Не пора ли одуматься?

Как я опоздал в этой жизни. Если бы знать раньше, я давно последовал бы совету Шопенгауэра «Если мир идет другим путем, не жели ты, пусть себе идет, не задерживай». Только теперь, посев и облысев, я со всей очевидностью понимаю, что человек должен быть, по словам Канта, «трансцендентен», т. е. всегда уходить из круга, преодолевая пределы, прорывая границы. Но теперь это пустые мечтания. И мне остается только горько сожалеть, что и мои дети тоже нырнули в этот мир и тянут за собой внуков, которых я, спохватившись, все еще пытаюсь удержать, не пустить в это болото нашей жизни.

Я убежден, что те, кто вовремя смогут понять всю бессмысленность пребывания в этом обществе, где среди порнографии, проституции, воровства, бандитизма, лжи (особенно политиков), казнокрад-

ства, спекуляции, пошлых шутов и сплошной демагогии и болтовни погибнут и его дети, должны отказать от всех весьма условных удобств и бежать «сломя голову» поглубже к природе, к земле.

И здесь, взяв в руки вечный инструмент, своим трудом, в поте лица, построить иную жизнь. Научить детей работать в саду и огороде, растить хлеб, ухаживать за скотиной, держать пчел вместо того, чтобы тыкать кнопки бесчисленных аппаратов, отнимающих память, зрение, а главное – время, отпущенное Господом для земной жизни.

Разве можно воспитать в душе ребенка уважение к чистоте, нравственности, чести, достоинству, старости, т. е. всему тому, что делает его человеком (челом века) в обществе, которое это понятие тотально вытравливает и заменяет их моделью разложения?

Если учебники для четвертого класса пестрят кокетливыми девочками в неглиже, а на обложках тетрадей нарисованы листья конопли, что делать твоему ребенку в этом мире? Работать на это королевство кривых зеркал?

Мы видим, как у нас на глазах раз за разом переписываются законы, госаппарат блокирует любые благие намерения, и никакая Конституция не даёт никаких гарантий, но при этом лжем и лжем себе о незыблемости законов и прочих установлений.

Человечество тысячи лет накапливает опыт, но мало кто к нему обращается. Но во все времена, всегда, неумолимо к власти идет корысть. Она имеет свою историю. Свою идеологию, свою философию, свой опыт, свои силы, свои фракции, свои кадры. Дорвавшись

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

до власти, она загораживает дорогу любому доброму начинанию. Любому! Иначе ей не выжить.

Я думаю, если собрать вместе все их законы, понадобится не один вагон, чтобы вывезти их на свалку. А зачем их столько? Против кого? Как они возникают? Значит, все время есть те, кто творит беззаконие. Это петля Мебиуса, у которой нет конца. И все молчат! И будут молчать, потому что подавляющее большинство постоянно стремится обойти законы. Потому и столько юристов (не зря же их раньше звали крючкотворами). Вся причина в человеке! И только в человеке! Значит, главная и первейшая задача любого общества должна состоять в воспитании человека.

Одному человеку: «Что бы поесть?», а другому: «Что бы еще поесть?». Но, как говорят французы: «Лучший повар – голод». Это особо осознается, когда придешь домой после работы на улице (именно работы, а не протирания штанов перед компьютером). Вот тут за обе щеки уходят и картошка в мундире, и буханка хлеба, и стакан молока, и все то простое и естественное, что Господь дал человеку. И врачи советуют есть, когда голоден, но из-за стола вставать полуголодным. Но тем, кто давно превратил еду в развлечение, все нипочем, у них культ гастронома и ресторана.

А вокруг всякая мразь рыщет в поисках, кого бы еще поглотить, суетятся лжепророки, фальши-

вые академики от ими же созданных академий, фонды, знахари, астрологи и прочие «знатоки». Берегитесь, предупреждает Спаситель, от фарисеев. Берегитесь!

Говорят они все о добре, счастье, экономическом процветании, прогрессе, о культуре (которой сами же и торгуют), язык-то, он без костей, и бумага все терпит. На деле же все они заняты только собственным благополучием. Можно, конечно, переживать за бедных пенсионеров, получая сотни тысяч, разъезжая в роскошных автомобилях, строя особняки на дорогих островах. Это и есть фарисейство. Хочешь, не хочешь, а вспомнишь руководителя, который ходил в мундире и сапогах, жил на казенной даче и т. д. Как бы там ни было, но не найдется на земле человека, который сказал бы, что этот руководитель хоть что-то нажил за счет народа...

Не пора ли остановиться и задуматься. Король-то ходит голый, а мы все еще восхищаемся его «костюмом». Еще великий Гете советовал: «Подумал – сделай. Сделал – подумай». Вот она, поступь разумного человека.

Фарисеи-то дорвались до власти, быстро наплодили законов и начали грабить, расставив своих людей в госаппарате. А теперь «ближние бояре» и «думные дьяки» пытаются загнать эти «законы» в некие человеческие рамки. Но вопрос не в законах и не в экономике. Вопрос в человеческой душе,

где гнездятся и ад, и рай. Это там, в одном и том же месте, зарождаются и великие, и преступные замыслы.

Церковь уже две тысячи лет, от Рождества Христова, объясняет это, а пророки твердили это за тысячу лет до явления Спасителя. Откройте Исайю. Он говорит о столице царства Израилева: «Как сделалась блудницей вечная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое – испорчено водою; князья твои – законпреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сирот, и дело вдовы не доходит до них» (Ис. 4, 21). Что изменилось в этой опере? Ничего, только костюмы.

Поэтому, бросив перо, я выхожу на улицу и попадаю на потрясающее зрелище. Осенний рассвет, еще видны звезды, на фоне которых, курлыча, парит стая журавлей. Морозно, поэтому идут низко, ровным строем выглядывая друг из-за друга в студеную даль. Вот это – Абсолют!

А где-то корпят «ученые» со своими отмычками к этому просто открывающемуся ларчику. Несчастные мы люди. Господь дал нам прекрасный мир, а мы все пытаемся раскрутить гайки, которыми задраен люк подводной лодки (на огромной глубине). Нам интересно: «А что там?».

Д. В. Арсеньев,
Пеновский район
январь 2006

Посвящена Григорию Сороке

Выставка графики удомельца Леонида Константинова «Посвящается художнику Григорию Сороке» открыта в Вышневолоцком краеведческом музее имени Г.Г. Монаховой. По специальности Леонид Константинов – иллюстратор книг, соавтор более ста проектов, среди них – краеведческие альманахи «Удомельская старина», «Бежецкий край», наша «ВИКА». Вернисаж стал еще и презентацией очередного произведения Леонида Константинова – «Из дворян Вышневолоцкого уезда». Книга 1.

Какой сигнал послали либералы?

КАЗАЛОСЬ, замызганная российскими либералами тема Гулага затушеввалась, надоела народу. Ведь он, народ, прекрасно понимает, в СССР, помимо Гулага, «безвинных жертв режима», было множество позитивного, что замалчивается либеральной пропагандой. Были могучая экономика, армия и флот, высокочеловеческое образование и наука, замечательная культура, была социальная справедливость. С предателями и врагами не сюсюкались, как сейчас. И, конечно, была великая Победа над фашизмом, ее одержала советская власть во главе со Сталиным. Но нет. Недавно телеканал Россия 1 вытащил из затхлого либерального загашника ту же тему. Имеется в виду не снискавший популярности в кинопрокате фильм Глеба Панфилова «Иван Денисович», снятый, как сообщали СМИ, на деньги «Газпрома». «Грандиозная» (представлялась именно так) премьера состоялась 23 апреля и, думаю, тоже не вызвала массового зрительского интереса.

Начнем с того, что фильм был снят по вышедшей в №11 за 1962 год журнала «Новый мир» повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Из дневника ответственного секретаря журнала В. Лакшина («Новый мир» во времена Хрущева», «Книжная палата», Москва. 1991 г.) следует, что рукопись попала к главному редактору А. Твардовскому под названием «Один день одного зэка», и Александр Трифонович причастен к изменению названия на «Один день Ивана Денисовича» (к слову, он же изменил название уже другого произведения Солженицына «Не стоит село без праведника» на

«Матренин двор»). Твардовский, по словам Лакшина, дал Солженицыну ряд советов «снять от-тенек сочувствия бандеровцам, дать кого-то из лагерного начальства (надзирателя, хотя бы) в более примиренных, сдержанных тонах, не все же там были негодяи»...

В повести главный герой Иван Денисович Шухов представлен задавленным, покорным, услужливым начальству. Доктор филологических наук Николай Федь в статье «Художник и власть» (журнал «Молодая гвардия», №3, 1994 г.) подчеркивал: «Примирение с несправедливостью, унижением и мерзостью привело к атрофированию всего человеческого в нем... Солженицынский герой – законченный манкурт, без надежд и какого-либо просвета в душе... Но это же явная неправда, даже какой-то умысел принизить русского человека, лишний раз подчеркнуть его якобы рабскую сущность».

В фильме же Глеб Панфилов Иван Денисович Шухов из простовато-чудаковатого крестьянина трансформирован в доблестного сержанта-артиллериста. Он героически сражается с фашистами, участвует в историческом московском параде 7 ноября 1941 года, подбивает пять вражеских танков, оказавшись в плену, совершает побег и, попав в руки злобных, тупых энквэдэшников, получает десять лет лагерей как «немецкий шпион». Жестокость усиливается тем, что накануне освобождения (за десять дней) мечтающего о встрече с дочерями главного Шухова отправляют в карцер за то, что он, борец за справедливость, выступил в защиту заболевшего капитана второго ранга Буйницкого. Но, в повести,

как помнится, в карцер попал сам Буйницкий, причем не больной.

Впрочем, цель оправдывает средства. Талантливому мастеру (никто это не оспаривает) Панфилову важно было показать антигуманность советской системы, несправедливость власти по отношению к героям войны. Зрителя постоянно сопровождает барачный, гнетущий фон, перемежаемый искусственной истеричностью персонажей. Право же, какой разительный контраст по сравнению со светом сегодняшней российской «свободы», «демократии» и «социальной справедливости». Но дело не столько в добавках к сюжету повести. Не в том, что Глеб Панфилов отступил от событий одного дня (режиссер имеет право на вымысел). Известно, А. Солженицын был сторонником разрушения СССР (трактат «Как нам обустроить Россию»). Писатель рекомендовал «безотложно, громко, четко объявить: три прибалтийские республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатские, да и Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать – да! – НЕПРЕМЕННО И БЕСПОВОРОТНО будут отделены». Тем самым Солженицын вольно или невольно оказался

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

союзником одержимых идей разрушения СССР нацистов, бандеровцев, власовцев, спецслужб Запада.

Хотя бы по этой причине демонстрация фильма «Иван Денисович» на государственном телеканале в канун дня Победы СССР над нацистской Германией и во время проведения спецоперации по денацификации Украины выглядела неуместно, не в лад здравому смыслу. Фильм льет воду на информационную мельницу вражьих сил, демонизирующих Россию и русских и, как следствие, работает не на объединение общества, которое нам крайне необходимо. Скажем, нелепо с постоянством изображать сотрудников НКВД сплошь в негативных образах. Хотя известно, кто как не наши чекисты громили перед войной пятую колонну троцкистов, уничтожали бандеровщину

на Западной Украине. Причем многие из них, чекистов, сложили свои головы. На мой взгляд, фильмы такого рода «отыграли свое» вместе с либеральщиной (недавно она показала себя во всей своей красе).

Еще одна нелепость. В рекламе фильма на ТВ навязчиво подчеркивалось, что А. Солженицын – лауреат Нобелевской премии. Известно, она была присуждена по идеологическим соображениям, за антисоветскую направленность творчества А. Солженицына. Фактически Александр Исаевич стал частью проекта Запада по разрушению СССР. Того самого Запада, что объявил в наши дни «крестовый поход» против России. Чего уж бравировать этой выродившейся, потерявшей моральный престиж премией, если ее по тем же политическим, антироссийским соображениям получили Светлана

Алексиевич и Дмитрий Муратов?

Напрашивается мысль: демонстрацией на главном государственном телеканале фильма «Иван Денисович» либералы, в том числе и во властных российских кабинетах, публично дали сигнал обществу: отказа власти от прежней прозапно-антисоветской политики в культурно-информационной сфере ожидать не приходится, хотя народ ожидает обратного. А, может быть, это сигнал, посланный либералами самому Владимиру Владимировичу Путину? Чтобы не больно-то закручивал гайки по отношению к неотроцкистской «элите»? Теперь ожидать возвращения на ТВ Урганта и Собчак, что ли?

Валерий Кириллов,

член Союза писателей России,

г. Андреаполь

Юбилей Николая Желтушко

Исполнилось 75 лет заслуженному художнику России Николаю Петровичу Желтушко. По этому поводу в выставочном зале Союза художников России в Москве прошла персональная выставка этого живописца под названием «Моя Россия». Родился он в 1947 году в станице Староминской Краснодарского края. В 1971 году окончил Ростовское художественное

училище им. Грекова. Работает в жанре станковой живописи, в своих работах воспекает разнообразную природу Отечества, традиции и историю нашего народа. Отмечен Серебряной медалью Российской Академии художеств.

Николай Петрович – верный друг калязинской земли. Здесь им созданы большие полотна: «Реконструкция битвы на Жабне», «Битва Скопина-Шуйского на Жабне» в честь 400-летнего юбилея знаменитой битвы под предво-

дительством М.В. Скопина-Шуйского под Калязином в Смутные времена; «Торговая площадь в Калязине», отражающее разрушенный Никольский собор и затопленную территорию города; «Паромная переправа в Калязине», «Дорога в Панкратово» (памяти В.В. Щербакова), «Непотопляемая Россия», «Матушка Волга» и другие.

Более 10 лет Н.П. Желтушко на добровольных основах является председателем Совета по сохранению историко-культурного наследия при администрации Калязинского района, оказывает консультационную помощь по сохранению памятников истории, архитектуры и культуры; является активным участником многих местных конференций, связанных с историей, краеведением, культурой. Он – автор и создатель особого памятного знака – поклонного креста, установленного в июне 2010 года на Монастырском острове в Калязине в память о погибших в Смутные времена при обороне обители воеводе Давыде Жеребцове и всей монастырской братии.

От имени калязинцев Николая Петровича Желтушко сердечно поздравил глава Калязинского района К.Г. Ильин. По поручению министерства культуры Тверской области он вручил художнику благодарность за вклад в развитие художественного искусства.

Яна Сониная

ТВЕРСКОЕ СОДРУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

Елена Павлинова

Родилась в январе 1961 года. В 2017 году окончила Литературный институт им. Горького. Печаталась в тверских альманахах и сборниках поэзии. Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов. Среди них конкурс патриотической поэзии «Словенское поле» (г. Псков, 2019 г.) Вошла в «Золотую сотню» финалистов фестиваля «Всемирный день поэзии» (2019 г.) Обладатель Приза зрительских симпатий и финалист фестиваля «Славянская Лирика» (г. Минск, 2018 г.) и др. Автор книги стихов «Ответчицы за годы немоты» (2022 г.)

ЧЕРЕПАШЬЕ

Чтоб найти затонувшее зарево,
В океан уплывает день.
Громче начал прибой
разговаривать –
Черепашу зовёт к воде.
Позади оставляя препятствия
(Суша многим грозит бедой),

Черепаша, потомство припрятав
здесь,
Возвратиться должна домой.
Кем, когда и зачем так
намечено?!
Не оспорить, не превозмочь...
На пески, по намеренью
Вечного,

Черепашья ложится ночь.
Светят звёзды, вселенных
фонарики,
Управляя великим сном.
Ковыляют живые кораблики,
Опрокинувшись кверху дном.
Уплывут... А в шикарнейшей
песочнице,
На Каймановых островах:
Люди, люди... ах как же им
хочется
Жить на родине черепах!
На причалах изысканно замерли
Яхты белые, а вдали
Подражают пропавшему зареву
Этажерные корабли.
Свет неоновый в лунном
купается,
В море вылившись невзначай;
В черепашью планету
вгрызается
Туристический микрорай.

* * *

Иван Демидов

Поэт, автор стихотворного сборника «Лимит любви». Заместитель председателя ТОО «Тверское содружество писателей», руководитель мастер-класса, один из главных организаторов фестиваля «Каблуковская радуга». Директор ГБУК «Тверьгосфильмофонд».

Синева большой печали
Разлилась над всей страной.
Не о том с тобой мечтали,
Сидя в детстве под сосной.

Нас тогда к себе манили
Горизонты новых лет.
Были мы в соку и в силе,
Новых жаждали побед

В освоении пространства,
окружающего нас.
Не наркотики и пьянство
Нас влекли, а влѣк Парнас.

Мы с заоблачной вершины
Разглядеть хотели жизнь,
Чтоб не ведая кручины,
Подниматься дальше ввысь.

Мы вперѣд всегда стремились,
Мир наш делая добрей,

Чтобы звёзды не пылились
От отсутствия идей.

И теперь уже не Космос
Нас зовѣт, – земная твердь...
Бог, под вирусом раскосым,
Не давай нам умереть!

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА

Июль, четверг, число – четыре.
Дожди, как мысли, моросят:
Ну почему так много в мире,
Нет, не людей, а поросят,
Копытом лезущих в кормушку?
Патриотически визжа,
Не сделав пользы на полушку,
В верха пробилась эта ржа –
Теперь Российская элита.
Богатств её не перечесть
Лишь потому, что позабыты
Закон и совесть, долг и честь!

Сиверсова улица в Вышнем Волочке

ЭТА улица носит имя настоящего отца-учредителя нашего города, нашей «русской Венеции», которому нынче исполняется 250 лет. 12 июля (по новому стилю) 1772 года – знаменательная дата: зачитан Указ от 02.04.1772г об учреждении Вышнего Волочка городом. Благодаря усилиям новгородского губернатора графа Якова Сиверса вчерашние ямщики и лоцманы станут мещанами, то есть горожанами. Об учреждении новых городов интересно писал тверской журналист Вячеслав Воробьев: «Именно по его инициативе торговый рядок Вышний Волочек, Калязинская подмонастырская слобода, села: Весь Егонская и Спас-на-Холму, Осташковская рыбная слобода стали городами. Но вышневолочане гордятся Михаилом Сердюковым и близостью к Петру Великому, Калязин и Весьегонск почти полностью ушли на дно рукотворных морей при советской власти, Крас-

ный Холм долго был заштатным городом Весьегонского уезда, и лишь несколько просвещенных оставшей могут вспомнить, что сделал для их прекрасного города генерал-губернатор Сиверс».

Яков Ефимович Сиверс (1731-1808) – это русский государственный деятель екатерининской эпохи, генерал-директор водных коммуникаций, награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Он родился в небольшом уездном городе Везенборг на территории современной Эстонии в семье лифляндского дворянина Иоахима Иоанна Сиверса. В 12 лет он приезжает в столицу, где уже через год будет определен в коллегию иностранных дел. Находился на военной службе с 1756 г. по 1763 г. и вышел в отставку в возрасте неполных 32 лет в чине генерал-майора. В самом начале царствования императрицы Екатерины II 20 апреля 1764 г. Сиверс был назначен новгородским губернатором.

Портрет графа Я.Е. Сиверса. Д. Г. Левицкий (Третьяковская галерея).

На этом ответственном посту он занимался сельским хозяйством. Земли имел и в нынешней Ленинградской области (станция Сиверская под Гатчиной). Известно также из документальных источников, что здесь царский вельможа с большим усердием занимался разведением картофеля. Во времена Сиверса на берегу реки Оредеж была создана первая в этих местах дворянская усадьба. Помимо разведения картофеля занимался соляным промыслом, добычей торфа, управлением казенными крестьянами, курировал строительство дорог и водных путей сообщения, строил школы, принимал меры для сохранения лесов. В его правление было устроено водное сообщение между Волгой и Ладожским озером по каналам между реками Сяь и Волхов, улучшено судоходство по рекам Волхов, Свирь, Сяь, Тихвинка и др. Также во время губернаторства Я. Е. Сиверса была устроена почтовая дорога между Новгородом и Царским селом, улучшены местные дороги до Твери, Тихвина, Каргополя

(окончание на стр. 9).

В Великом Новгороде помимо Сиверсова канала сохранился губернаторский дом (современная улица Московская, д.7).

(начало на стр. 8).

и других городов. Даже Тверь, а также Торжок после пожара были отстроены в камне благодаря его организаторскому таланту.

Отдельной строкой выделим то, что он входил в ложу Совершенного Согласия (Parfaite Union) в Санкт-Петербурге (70-е годы 18 века). Благодаря его участию было создано Вольное Экономическое общество. Выполнял тайные поручения Шувалова, по делам водных коммуникаций активно переписывался с графом Румянцевым. Один из современников так сказал о нём: «Сиверс был редким для своего времени примером иностранца, бескорыстно и самоотверженно посвятившего себя службе России, и лучшим образцом просвещенного и гуманного администратора».

В 1774 г. Сиверс был назначен на должность директора водных коммуникаций. Он руководил проектом Мариинского канала. В 1771 г. получил звание действительного статского советника и чин генерал-поручика, однако вскоре был вынужден уйти со службы. В 1776 г. занимал должность псковского на-

местника. В 1781 г. Яков Ефимович был отправлен в отставку с поста губернатора. За ним была оставлена должность генерал-директора водных сообщений (до возвращения графа Я. А. Брюса).

7 марта 1800 г. Сиверс вышел в отставку и поселился в деревне Бауэнгоф Лифляндской губернии. Поместье Бауэнгоф (на картах Латвии – Бауни) некогда являлось живописной усадьбой с большим парком в английском стиле у озера Буртниеки, что находится примерно в 30 км от Валмиеры. Усадьба была основана в 1638 году. После аграрной реформы 1747 г. поместье принадлежало семье фон Сиверс и фон Гинцелей. На сегодняшний день часть усадьбы отреставрирована и перешла в частную собственность. Остатки печей с росписью в кобальтово-голубой цвет переданы в фонд музея Рундальского дворца-музея (это 80 км от Риги. Там же находится и сохранился экслибрис библиотеки графа Якова фон Сиверса, что можно увидеть в трехтомной энциклопедии «Всеобщий лексикон художников от античности до современности» (1769) английского натуралиста Филипа Миллера (1691–1771), недавно изданный в музее Рундальского замка. Площадь парка составляла 43 гектара, а протяженность его составляла несколько километров. Здесь же, как и в Вышнем Волочке, были прорыты каналы, которые очень красиво смотрелись из окон замка, берега их засажены деревьями. В настоящее время парк еще не обновлен.

Похоронен Яков Сиверс на семейном кладбище, но, к сожалению, оно практически недоступно из-за влажного леса вокруг. Несколько лет назад местный приход обещал проложить пешеходную тропу...

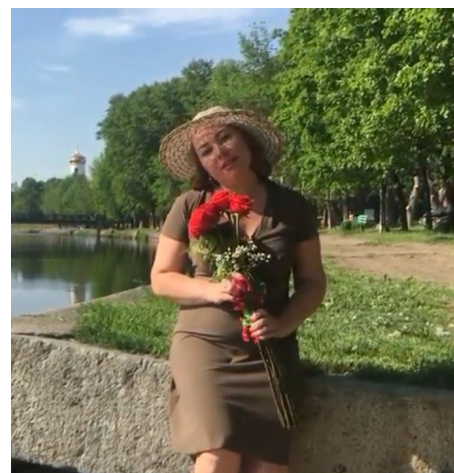
В музее истории и мореходства Риги бережно хранится камзол и шпага великого государственного деятеля Екатерининской эпохи. В Великом Нов-

городе помимо Сиверсова канала сохранился губернаторский дом (современная улица Московская, д.7). Имя первого тверского губернатора увековечено в названии малой планеты 22253 Sivers, канал из Мсты в Волхов также носит его имя, а в 2010 г. между Великим Новгородом и Старой Руссой некогда курсировало высокоскоростное судно на воздушной подушке «Яков Сиверс». Помимо Вышнего Волочка улица, названная его именем, есть также в Боровичах.

Ольга Соколова,

г. Вышний Волочек

ОБ АВТОРЕ:

Уроженка Вышнего Волочка, с отличием закончила Российский Государственный Социальный Университет по специальности: менеджмент организации в сфере гостиничного и туристического бизнеса. Работаю в туристической компании, а в свободное время занимаюсь краеведением. Статьи печатаются в газете «Новый волок» с января 2022 г., с февраля 2022 г. – ведущая программы «Выход в город» на радио. Путешественница и автор маршрутов по Тверской области в бесплатном мобильном приложении izi.travel (под брендом Туристическое Сообщество: «Русская Венеция»).

Костюм графа Якова Иоганна Сиверса. Хранится в Рижском историко-навигационном музее.

«ЧАПАЙ» НАШИХ МЕСТ

19 декабря 1941 года погиб генерал-майор Лев Михайлович Доватор. Со дня гибели видного советского военачальника прошло 80 лет. Его знаменитый рейд в тылу врага на оккупированных территориях Калининской (ныне Тверской) и Смоленской областей вкупе с другими военными операциями начала войны, в которых участвовал тогда еще полковник Доватор, прочно вошел в историю боевых действий Великой Отечественной.

ЛЕВ Михайлович родился 20 февраля 1903 года в селе Хотино Витебской губернии (ныне Республика Беларусь) в крестьянской семье. С раннего детства привык к тяжелому труду, а чуть повзрослев, стал работать на витебской прядильной фабрике. Весть об Октябрьской революции встретил с нескрываемой радостью. Помогал организовывать в родном селе комитеты бедноты, учился в губернской партийной школе.

В Красную Армию Лев Доватор вступил добровольцем в 1924 году. Некоторое время служил, заведывая складом в 7-й кавалерийской дивизии Западного военного округа, дислоцировавшейся в Минске. Окончив в 1925 году московские Военно-химические курсы, проходил службу командиром химвзвода в этой же дивизии. В 1926 году окончил Ленинградско-Борисоглебскую кавалерийскую школу командирского состава Красной Армии.

Все 30-е годы Доватор продвигался по военно-кавалерийской служебной лестнице и продолжал профессиональное обучение. В 1939 году с отличием окончил Военную Академию им. М.В. Фрунзе и получил назначение начальником штаба Особой кавалерийской бригады в Москве. Накануне войны был назначен начальником штаба 36-й кавалерийской дивизии Белорусского военного округа. Войну встретил в

госпитале с приступом острого радикулита, и только через неделю врачи смогли его выписать. Едва успев попрощаться с семьей, Лев Михайлович отправился в распоряжение штаба Западного фронта – поскольку его родная дивизия попала в окружение, и прорваться к ней не было никакой возможности. Уже в июле первого года войны он был награжден орденом Красного Знамени за отличие в боях на переправе у деревни Соловьево Смоленской области.

В августе 1941 года Лев Доватор возглавил Отдельную кавалерийскую группу на Западном фронте, состоявшую из нескольких казачьих полков (в состав входили донские, кубанские и терские казаки). Уже в первых боях он показал себя отличным командиром, который не только умело организовывал дерзкие по смелости атаки, но и с отеческой любовью относился к своим подопечным, стараясь по возможности не рисковать их жизнью. Под командованием Льва Михайловича это конное соединение сумело прорваться в тыл к немцам, поражая вражеские коммуникации, громя штабы, уничтожая склады и военные обозы неприятеля.

Это был поистине фантастический рейд советских кавалеристов в немецкий тыл (мы еще вернемся к нему): углубившиеся на 100 километров казаки уничтожили более двух тысяч солдат и офицеров вермахта, 9 танков, около двухсот машин, было захвачено также мно-

Лев Михайлович Доватор
(20.02 1903 - 19.12.1941)

жество трофеев. За проведение этой операции Лев Доватор получил звание генерал-майора и орден Ленина.

Осенью 1941 года на базе группы Доватора формируется 3-й Кавалерийский корпус в составе 16-й армии К.К. Рокоссовского (чуть позже он был переименован во 2-й Гвардейский). Корпус вел оборонительные бои на линии Белый – Ржев, прикрывая подступы к Москве с волоколамского направления.

Вот фрагмент из воспоминаний командира 50-й кавалерийской дивизии И.А. Плиев:

«Наша дивизия и дивизия комбрига К.С. Мельника, объединенные в кавалерийскую группу под командованием Л.М. Доватора, получили необычную задачу: прорвать фронт обороны противника на узком участке, парализовать его коммуникации, громить колонны, штабы, склады, разрушать линии связи, вести разведывательную работу.

Бои в тылу врага продолжались до начала сентября. Потери, нанесенные противнику за период рейда, выглядели внушительно. Несколько тысяч вражеских солдат и офицеров навсегда остались лежать в болотах и лесах, многие сотни автомашин, танков и самоходок, орудий и минометов были уничтожены вместе с теми, кто привел их в эти места».

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

53-я кавалерийская дивизия выходила к реке Меже через огромное, поросшее перелеском и кустарником болото, которое на карте было обозначено без единой тропинки. Части 50-й кавалерийской дивизии были направлены еще восточнее. Маршрут был чрезвычайно тяжелым. Первые пять-шесть километров полки шли цепочкой, растянувшись по одному. Под копытами лошадей чавкала болотная топь; чем дальше, тем она становилась все глубже. Через час авангардный полк стал.

Эскадроны спешились. Конники начали рубить топорами деревья, косить шашками камыш; ночь быстро опускалась на землю.

Устроив настил, кавалеристы почти ощупью начали продвигаться вперед. Храпя и прядая ушами, осторожно ступали по зыбкому, колеблющемуся над топью настилу привыкшие к степным просторам дончаки и кабардинцы. За 12 часов было пройдено всего 14 километров пути, проложенного кавалеристами. К рассвету дивизия миновала урочище. Впереди стеной стоял заболоченный лес, но здесь, все-таки, можно было двигаться, лишь кое-где останавливаясь, чтобы завалить срубленными ветками особенно вязкие места.

В полдень, когда до реки Межи оставалось километров шесть, полковник Доватор приказал встать на привал. Вскоре возвратился один из высланных накануне разъездов.

Лейтенант Панасенко доложил, что нашел не обозначенный на карте брод, который никто не охраняет. Брод окружен болотом, поросшим камышом и кустарником, глубина его около метра. Это было как раз то, чего искал Доватор.

Как только стемнело, конники двинулись к броду. Авангард быстро форсировал реку, но очень разбил дно. Переправа затянулась. Лошади спотыкались на разрыхленном сотнями копыт дне, многие из них теряли равновесие, падали и плыли. Всадники соскакивали в воду; держась за путлища стремян, за конские хвосты, плыли рядом. Многие порядочно наглотались холодной, пахнувшей болотной травой воды. Гитлеровцы пе-

реправу конницы не обнаружили. Задолго до рассвета 53-я кавалерийская дивизия уже была на южном берегу. Пройдя еще километров пятнадцать, она встала на большой привал.

50-я кавалерийская дивизия также успешно преодолела трудный путь».

Интересные детали, касающиеся похода кавалеристов генерала Доватора по территории Калининской и Смоленской областей, подметил нелидовский краевед Святослав Кетлеров:

«20 июля 1941 года на станцию Старая Торопа прибыли две кавалерийские дивизии: 50-я Кубанская под командованием полковника И.А. Плиева и 53-я Ставропольская под командованием комбрига К.С. Мельника числом около 6000 человек. Общее командование осуществлял генерал И.В. Селиванов. Уже 24 июля он поставил задачу: форсировать реку Межу, прорваться в тыл противника и перерезать коммуникации, ведущие на город Белый.

Во время попыток перекрытия дорог дела у кавалеристов Селиванова шли плохо, имелись большие потери. Полковник Доватор в это время успешно оборонял переправу через Днепр, обеспечивая отход наших войск от Смоленска. Не только командовал, но и сам принимал участие в боях. По одной из версий, лично подорвал танк связкой гранат (В. Абызов, «Доватор», 1988), по другой – сжег танк двумя бутылками коктейля Молотова (Ю. Каменский, «Жизнь короткая, а слава долгая», 1983).

Неудачи Селиванова и успехи Доватора сопоставил маршал Тимошенко, и к 12 августа 1941 года была создана группа Доватора. Начались знаменитые кавалерийские рейды. Имеется фото немецкой карты в черно-белом исполнении, где DOVATORS GRUPP выделена красным цветом. Почти два месяца эта группа успешно сражалась в немецких тылах и держала оборону на стыке 22 и 29 армий. Можно сказать, что половина боев группы Доватора в августе пришлось на места у реки Межи...

Успех стремительных атак и разгрома тылов вермахта в Кали-

нинской и Смоленской областях имел тройственную оценку. От советского командования Доватору было присвоено звание генерал-майор, назначена «награда» от вермахта – предлагалось 5 тысяч марок за его голову и от народа – звание «Чапай».

Октябрь 1941-го (немецкая операция «ТАЙФУН») содрогнул все от Подмоскovie и наших мест до Брянска. Группа Доватора выжила и вышла к Волоколамску 13 октября, заняла оборону. Казаки-доваторцы насмерть стояли на Волоколамском шоссе рядом с панфиловцами.

11 декабря корпус под командованием Л.М. Доватора был передислоцирован в район Кубинки и после рейда по тылам противника к 19 декабря вышел к реке Рузе. Передовые части 2-го Гвардейского кавалерийского корпуса расположились в районе деревни Палашкино (Рузский район, Московская область), где находились крупные силы немецких войск. Генерал-майор Доватор был смертельно ранен пулеметной очередью при атаке на деревню Палашкино. Вместе с ним погибли: полковник Тавлиев, политрук Карасев, адъютант Тейфман.

Согласно второй версии, генерал Доватор решил лично осмотреть боевые позиции немецких частей по другую сторону реки, немцы заметили скопление людей и открыли огонь. Выжить находившимся на открытом пространстве людям шансов не было. Погибли все, поэтому точные обстоятельства гибели военачальника так и остались неизвестными.

21 декабря 1941 года Лев Михайлович Доватор был награжден «за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками», званием Героя Советского Союза посмертно. Конечно же, оно было заслужено в его бессмертных походах.

В наших местах память о генерале Доваторе увековечена названиями улиц в городе Белом и поселке Жарковском.

Татьяна Казакова

г. Нелидово

• Память

НА СОМИНКЕ, НА УЛИЦЕ ХРУСТАЛЬНОЙ...

Этот концерт, где прозвучали самые светлые воспоминания и стихи в исполнении его друзей, коллег, учеников, – дань памяти поэтов литературного объединения «Рассветная звонница», созданного им, своему учителю. Открытие в июне 2017 года мемориальной доски у дома 46 к.2 по улице Хрустальной, где жил поэт, и недавнее присвоение библиотеке семейного чтения на Соминке имени Евгения Сигарева – дань памяти тверичан поэту.

Напомним его биографию. Сигарёв Евгений Игнатьевич родился 1 июня 1928 года в г. Рубцовске Алтайского края. Мальчишкой бежал на фронт. Вернули. В 1946 году окончил Ташкентское суворовское училище. Затем учился в Высшем военно-морском пограничном училище в г. Ленинграде, позднее – на Высших офицерских курсах. Первая публикация стихов – 1946 г., газета Ташкентского военного округа «Фрунзевец». В годы учёбы в Ленинграде посещал литобъединение при филиале газеты «Красная звезда», которым руководили Николай Тихонов и Всеволод Рождественский. Профессиональная деятельность Сигарёва была полностью связана с морским флотом России. Во время службы он командовал пограничными кораблями на Балтике, Баренцевом море, Тихом океане. Дважды прошёл Северным морским путём.

Параллельно писал стихи. В 1969 г. во Владивостоке вышла первая его книга – «Улицы уходят в океан». В 1970 году ушёл в запас с должности командира пограничного сторожевого корабля «Воровский». Вступил в Союз журналистов

в 1971 г., стал членом Союза писателей СССР в 1979 г. Многие годы руководил камчатским литературным объединением «Земля над океаном».

Был директором камчатского отделения Дальиздата, председателем Камчатского фонда культуры.

В 1997 году переехал в Тверь. Работал членом редколлегии журнала «Русская провинция», отвечал за выпуск военно-патриотического вестника «Честь имею» при газете «Тверская жизнь». Вёл передачу «Поэтическая тетрадь» на тверском радио, руководил первым тверским молодёжным литературным объединением «Рассветная звонница».

Всего на творческом счету поэта 11 авторских книг стихов, множество публикаций в альманахах, сборниках, газетах, журналах. Был делегатом V, X, XI, XII, XIII съездов Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий, в т.ч. премий журналов «Дальний Восток», «Звезда», «Сибирские огни», «Смена». Заслуженный работник культуры РФ.

Скончался 3 мая 2010 года после продолжительной болезни.

СТИХИ ЕВГЕНИЯ СИГАРЕВА

АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ

Моей матери и отцу

Из Мазурских болот,
Из тифозных окопов,
С голодухи синюшный,
От хлора больной,
За царя и за веру стрелявший в
Европу,
На царя и на веру он рявкнул:
«Долой!»
Карабин и буденовка.
Красным и серым

Перекрещено длинной шинели

сукно.

На Воронеж – карьером!
По Крыму – карьером!
И протяжное:
«Сотня-а-а, за мной!»
На Махно.

А тачанка махновская в пули

оправлена,

Под копытами чмокает грязь

колеи.

И сползает с седла комиссар

окровавленный,

И похожи глаза у него

На мои.

А меня еще нет.

Я не знаю отца еще.

Потный нэпман валюту слюнявит,
носа.

Но у гроба Дзержинского губы
кусающий

Слово правды

Берет под охрану курсант.

Он присягу прочтет, уважительно

кашлянув,

Испытает кулацкий обреза на

излом,

Чтоб от имени красных комбригов

и маршалов

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Защитить под Мадридом военный
диплом.

Он прорвется на берег метельный
и вязкий,

Где речной комендант от
бессонницы лют,

Где качает
На льдине присевшие каски,
Растекаясь по Волге,
Гудящий мазут.

Переправа.
Осколки, поющие тоненько,
И плацдарм у воды – десять метров
на сто.

Человек в обгоревшей папахе
полковника

Полубредит в санбате:
«Моим ... Если что ... »

На него,
На хирурга, хрипящего матерно,
Осыпается грохот комками земли.
Адресованы письма полковника
матери,

А глаза у него, как у деда,
Мои.

Не успел в самолете я рухнуть
тараном,

На рейхстаге за мир расписаться
штыком,

Не был в списках убитых,
Не числился раненым.

– Фронт – не ясли, – хромая,
твердил военком.

Не успел.
И пока к настоящему бою мы

Шли с учебной винтовкой в
учебном бою,

Отстрелялась Победа отцовской
обоймой

И дослала в патронник обойму
мою.

Не напрасно она мне в наследство
подарена,

Тем спокойнее жить, чем надежней
броня.

Потому и мальчишки играют в
Гагарина,

И один из мальчишек
Похож на меня.

ВОКЗАЛ 41-ГО ГОДА

Под пересвист пустых стручков
акации

Катил Сибирью сорок первый год.

Кричали поезда эвакуации
И не хватало раненым подвод.

С тряпьем, с детьми, с вагонными
утехами

Вдоль тех могил, которых не
найти,

Опять куда-то вся Россия ехала,
Который век, а все она в пути.
Перрон смешал мешки, коляски,
саночки.

От водокачки чайники несли.
И цыганенок босиком

«Цыганочку»
За горсть махры отплясывал в
пыли.

Два мужика замурзанного жулика
Валтузили подковками в живот.

Вокзальная издерганная публика
Гадала: «Оживет? Не оживет?»

Кто правил бритву на ремне
опасную,

Кто охал, что еды достать нельзя.
Кого-то выдавала шея красная

И сытые пугливые глаза.
Но гул стихал, когда от светофора

Со скатками, с горбами вещмешков
Шагал он – и надежда и опора –

Бритоголовый взвод сибиряков.
«Гляди, она-а... Равнение

направо!»
Искрили камни древних мостовых

От яловых сапог для комсостава
И кирзовых сапог для рядовых.

И прыгали мальчишки перед
строем,

А лейтенант смеялся в синеву: -
Вот зададим по первое число им,

И по домам, в Сибирь. А вы – в
Москву.

Шла спецкоманда снайперского
профиля,

А вдоль мостков у края мостовой
Цвели делянки бледного

картофеля,
Подсолнухи мотали головой.

Урчал трамвай, баулами
ободранный,

И репродуктор душу бережил.
Их письма в областном музее

собраны.
Обратно

не вернулся
ни один.

«ПЕСНИ ВОЙНЫ»

Ловлю себя на этом не впервые:
Затерянные в модных голосах,
Едва услышу песни фронтовые –
И почему-то слезы на глазах.

Едва ударит медь в победных
маршах,

И словно я виновен без вины
За каждого из без вести

пропавших,
За всех не возвратившихся с
войны.

Те песни так нам дороги не тем ли,
Что в бой вели, гвардейцев

окрыля?
Их, молодых, прикрывших нашу
землю,

Собой прикрывала русская земля.
Распаханы прифронтовые дали.

Но сыновья седые тех солдат
Хранят в ларцах посмертно их

медали
И песни их пожизненно хранят.

Они с эстрад нахраписто не рвутся,
Их лучше слушать сердцем в

тишине.
Видать, мне так с войны и не
вернуться,

Хоть я, малец, и не был на войне.

ВЕЧНАЯ ВАХТА

Мы прошли по жизни не
вполсилы.

Нас не трудно по следам найти.
Обелиски, братские могилы

Встали в карауле вдоль пути.
Друг давнишний,

школьник-непоседа,
В сорок первом заступив на пост,

И сегодня бережёт Победу,
Молча камня в полный рост.

Был он старше на четыре года.
Через время на него гляжу.

И, не зная нынешнего брода,
В новое столетие вхожу.

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 12-13).

Мне уже «цыганочку» не сбавать.
Поседел. Своё берут года.
А ему, как прежде, девятнадцать.
Он не постареет никогда.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Окончены речи.
Замолкло вещанье.
Молчат поседевшие однополчане,
Им памяти вахту нести до
скончания.

Минута молчанья.
Минута молчанья.

Начало войны и войны окончанье,
И вой самолётов, и танков

рычанье,
И слёзы Победы, и слёзы
прощанья
Слились воедино в минуте
молчанья.
Над миром плывет метронома
звучанье,
Над миром – спасенной сирени
качанье,
Спасенная жизнь и улыбки
венчанья.

Минута молчанья.
Минута молчанья.

ЭКИПАЖ ОДИССЕЯ

Океанский ветер – наш соперник –
Песни пел в снастях на корабле.
Мы, как Одиссей, искали берег,
Где богини жили на земле.

Не считали странствия заслугою,
И опять покой не по душе.
Жаль, теперь любая дата круглая,
Видно, закругляемся уже.

Но о стаже не шумим напористо,
Не стучимся в каждый кабинет,
Где всю за наше счастье борются
С общим перерывом на обед.

И грозят нам бурею в стакане
Яркие любители урвать.

Мы опять штормуем в океане,
Им приносят судно под кровать.

ДОКОНАЛИ МОЛВА И ОПЕКА

Доконали молва и опека!
И, не сдавший ни совесть, ни
честь,
Я сбежал из XX века.
Принимайте такого, как есть.

Не богаче других, не красивей,
Рядовой среди многих в ряду,
Я родился под песни России
И под песни России уйду.

А за то, что заботы земные
И деянья мои непросты,
Пусть напишут умельцы штабные
На себя наградные листы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДОН-КИХОТУ

Из года в год,
Из века в век,
Не унимаясь, колобродит,
Все ищет правду человек
И не находит,
Не находит.
Большой и добрый,
Он упрям
И с ним всегда одна расплата:
Он не сожжет –
Воздвигнет храм,
А помнить будут
Герострата.
Создаст богиню он, чудака,
Но холст с улыбкою мадонны
При жизни спрячут на чердак,
Чтоб красть потом
За миллионы.
Его сжигают на кострах,
Ссылают в глушь,
Казнят в столице,
Чтоб, доконав другим на страх,
Его же именем креститься.
А он – как на голову снег!
Горит живой, не умирая.
И снова ищет человек,
И нет тому конца и края.
Предавшим правду
Не в пример,
Опять сводя с неправдой счеты,
Летит на мельницу в карьер
Бесстрашный правнук Дон-Кихота.
Летит с копьем наперевес,
Летит, в добро и счастье веря.
И снова целится Дантес,
И вновь готовит яд Сальери.

Поставили «Укрощение строптивой»

В Тверском академическом театре драмы прошли премьерные показы спектакля по шекспировской комедии «Укрощение строптивой». Постановкой занимался режиссер Геннадий Шапошников – главный режиссер «Театра на Покровке» в Москве и главный режиссер Ростовского театра драмы имени Горького. Геннадий Шапошников окончил Московский институт культуры и Высшее театральное училище имени Щукина. За его плечами – более 60 поставленных спектаклей в театрах разных городов России, в том числе в Театре имени Вахтангова, «Современнике», Театре эстрады, Театре наций и «Новой Оперы».

История комедии разворачивается в Италии XVI века. Пьеса написана Уильямом Шекспиром более 400 лет назад и до сих пор заставляет задуматься над вопросами, стоящими вне времени. На тверской сцене «Укрощение строптивой» поставили как классическую пьесу, без второго дна, как вечную историю, рассказанную со своими наблюдениями, внимательным, уважительным авторским отношением к бессмертному сюжету великого драматурга.

Это вторая работа известного режиссера в Тверском Театре драмы, его комедия «Доходное место» пользуется популярностью у тверского зрителя, ценящего истинные традиции русского психологического театра.

• Старое фото

СТОЛЕТИЕ ПИОНЕРИИ

Исполнилось 100 лет со дня создания Всесоюзной пионерской организации. Это снимок из старого альбома. К сожалению, точный год события не отмечен. А вот число и месяц известны доподлинно. Это 19 мая – день рождения Пионерской организации. В этот день три сельских школы Андреапольского района (Луговская, Балбекинская и Жуковская) устраивали общий пионерский костер. Собирались ежегодно, чаще всего под Лугами, на снимке такая встреча и запечатлена. У костра пелись песни, читались стихи, устраивались веселые игры.

Дети с этого снимка давно выросли. Кто-то из них стал учителем и даже директором школы, кто-то выбрал иную профессию. Но о той поре у всех сохранились самые добрые воспоминания.

М. Петрова

• Новые книги

«Хранить вечно»

Роман под таким названием недавно вышел в свет. Его автор – андреапольский поэт и бард Владимир Юринов. «... Это попытка исторической реконструкции жизни апостола Петра, осмысления уникального явления зарождения новой религии, ретроспективный взгляд из нынешней, оскверненной всеми пороками, действительности в далекое, изначальное прошлое...», – так представил книгу автор на первой презентации

в андреапольской библиотеке.

Это и попытка ответа на извечные вопросы: что есть человек в этом мире? Волен ли он в своих поступках или путь его предначертан свыше? И велика ли роль отдельно взятого человека в мировом историческом процессе? Роман состоит из трех книг общим объемом в 800 с лишним страниц. Иллюстрирован московским художником Олегом Зубаревым..

Продолжает вечную тему

Новая книга известного в России тульского поэта, постоянного участника тверских литературных встреч и нашего автора Валерия Савостьянова «Похожая на образа» продолжает вечную тему любви, которая ярко представлена и в предыдущих поэтических сборниках автора: «Лебедь с девичьим лицом», «Объятыя Селигера и Оки», «В эпоху нежности».

В книгу вошли как избранные стихотворения поэта, часть из которых им заново отредактирована, так и новые стихи,

ещё нигде не печатавшиеся. Рыцарственное отношение к женщине, нежность и целомудрие, способность к сопереживанию и даже готовность к самоотречению, высокая философия жертвенности ради любимой – вот основные мотивы книги. Она заканчивается очень важным для автора циклом семейной лирики. За стихи из этого цикла Валерий Савостьянов был награждён литературной премией, которая носит название «За сохранение семейных ценностей в поэзии» (Москва, 2013).

Золотой запас

Сергей Есенин

(1895-1925)

СПИТ КОВЫЛЬ. РАВНИНА ДОРОГАЯ...

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою
теплень.

Знать, у всех у нас такая участь.
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Алексей Решетов

(1937-2002)

* * *

Проснулся я от солнечных
лучей.
Цвела трава. В России было
лето.

Свет луны таинственный и
длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик
журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым
светом
И моей коснулась жизнь
судьбы,

Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к
изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет
новью

На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той
теснимый,

Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Как хорошо, что этот мир –
ничей:

Ходи, дыши, и нет тебе запрета.
Как хорошо, что кто-то нам
сберег

Земной простор – леса, озера,
тучи! –

Любимая не пустит на порог,
Неплохо и на камушке горячем.
Спешу к земле, как матери
родной,

От всех своих досад и
треволнений,

И возле первой нивушки
ржаной

Надолго опускаюсь на колени.

Владимир Солоухин

(1924-1997)

СЕРЖАНТ ЗАПАСА

Мне позабыть уже не рано,
Как сапоги на марше трут.
Рука, отвыкнув от нагана,
Привыкла к «вечному перу».

С шинели спороты петлички,
Других не взять у старшины,
И все солдатские привычки
Как будто вовсе не нужны.

Все реже думаю меж делом,
Что кто-то новенький в строю
Берет навскидку неумело
Винтовку звонкую мою.

Что он, не знающий сноровки,
Влюбленный в «вечное перо»,
Клянет неправильность винтовки,
Бросавшей в зависть снайперов.

И для него одно и то же:
Сержант или кто-нибудь другой
Хранил в подсумке желтой кожи
В обоймы собранный огонь.

Но мне бы все же знать хотелось,
Что, не отставши от других,
Он будет быстро и умело
Дырявить черные круги.

Но ведь моя винтовка сжата
В его неопытных руках. и
И до сих пор зовут сержантом
Меня ребята из полка.

Все тот же я, повадки те же,
И та же собранность в лице,
И глаз, который неизбежно
Сажает душу на прицел.

И если я слышу спокойным,
Так это значит – до сих пор
Я помню сдержанность обоймы
И выжидающий затвор.